

Презираемая Луна

Sugarlitics Sugarlitics

Презираемая Луна

«China Literature»

Sugarlitics S.

Презируемая Луна / S. Sugarlitics — «China Literature»,

Содержание

1	Запасная дочь	5
2	Особенный	7
3	Падение	10
4	Обвиняемый	12
5	Водяная клетка	15
6	Видео	18
7	Невиновный	22
8	Неужели это она?	26
9	Ревность	28
10	День	31
11	Предложение	33
12	Запрос	36
	Конец ознакомительного фрагмента.	38

Презируемая Луна

1 Запасная дочь

– Ты всё ещё в постели? – театрально вздохнула Лола. – Вставай, София. Слугам нужно помочь отнести всё в зал.

Это было девятнадцатилетие Лолы, и вся стая участвовала в праздновании. Её лицо выражало раздражение. Она закатила глаза и уже собиралась уходить, когда остановилась в дверях.

– Ох, и постарайся не опозориться, когда придёт Дэмиен. Ты пялишься на него, как какая-то жалкая влюблённая дворняжка... Это стыдно.

Дверь захлопнулась. София прикусила губу. Слова Лолы ранили, но она подавила боль и промолчала.

София выбралась из постели. Она быстро приняла ванну, а затем надела простое голубое платье. Когда-то оно было её любимым. Теперь она носила его только потому, что оно полностью закрывало руки. Она убрала свои светлые волосы назад и изучила своё отражение в зеркале. Круглые щёки. Полные руки. Глаза, которые пытались казаться смелыми. Она подняла подбородок, расправила плечи и спустилась вниз.

Кухня благоухала ароматами сахара и масла. Подносы с выпечкой заполнили все столы. Не успела София и глазом моргнуть, как почувствовала шлепок по руке.

На неё сердито смотрела шеф-повар.

– Ты опоздала, – прошипела она, будто София была служанкой.

На мгновение София захотела напомнить ей – прокричать, что она старшая дочь Беты Стивена. Но она с горечью напомнила себе: она не Лола, драгоценная дочь. Она была другой.

Той, которую все называли запасной.

– Отнеси еду к длинному столу, – распорядилась повар, сунув ей в руки тяжёлую миску. София повиновалась.

Золотые ленты свисали с балок, свет разливался по натёртым до блеска полам. Волчата сновали между стульями, визжа от смеха, пока один из старших не щёлкнул пальцами и не заставил их броситься обратно к родителям.

Она поставила миску и вернулась за новой порцией, боясь, что её отругают за медлительность. Казалось, никто не замечал её существования. В их глазах она была невидимкой.

На третий раз ей преградила путь группа девушек, фотографировавших себя в сверкающих платьях. У них были такие тела, какие в стае называли идеальными: стройные, подтянутые. Всё остальное считалось непривлекательным. Именно в эту категорию и запихнули Софию.

Одна из девушек смерила её взглядом с ног до головы и ухмыльнулась.

– Поаккуратнее с тортом, София. Оставь немного и гостям.

Остальные издевательски рассмеялись. София опустила голову и, сжимая подол платья, пошла дальше. Не во всех битвах стоило сражаться.

Её отец, Бета Стивен, стоял у входа и отдавал приказы. Он был высоким, хорошо сложенным, с сединой на висках. Сначала он не заметил Софию – слишком занят был расстановкой охраны, улаживанием деталей и проверкой, чтобы всё шло как надо.

Когда его взгляд наконец остановился на ней, он лишь кивнул.

Ни отцовского тепла, ни любви – просто признание её существования.

– София, помоги на кухне с тарелками. И проследи, чтобы подарки твоей сестры перенесли на сцену.

София подавила слова, застрявшие у неё в горле.

– Да, отец.

Она знала, что он не был к ней жесток. Он просто был занят тем, что имело значение. А сегодня значение имела только Лола.

К середине утра все приготовления были завершены. Двери их дома открылись, и гости хлынули потоком. Лола обожала внимание. Она была одета в серебристое, как всегда чарующе красивая. Кто-то увенчал её золотым венком, и она рассмеялась так, словно была рождена, чтобы его носить.

– Наша принцесса, – называли её они. – Наша Лола.

София держалась позади, наблюдая. Они были сёстрами. У них была одинаковая форма лица и губы. Но на этом всё сходство заканчивалось.

Лола сияла, а София – нет.

София мечтала ускользнуть обратно в свою комнату. Но это было невозможно. Не тогда, когда мать постоянно её выискивала. Она хотела, чтобы София смотрела, как Лола получает всё то, чего ей самой никогда не видеть.

В тот миг, когда София набрала вес, она перестала существовать в глазах родителей. Она была просто запасной. Другой.

Её собственные дни рождения никогда не праздновались. Ни тортов, ни песен, даже простого «с днём рождения» от родителей. Все забывали – кроме одного человека. Но его больше не было в её жизни.

– Он здесь! Он здесь!

Внезапно по толпе пронёсся шёпот. Головы повернулись. София проследила за их взглядами, и у неё перехватило дыхание.

Дэмиен, Наследник Альфы, только что прибыл.

Её сердце пропустило удар, как это всегда бывало рядом с ним. Чувство, которое она годами пыталась, но не смогла, убить в себе.

Как только сестра заметила его, она бросила своих поклонников и кинулась в его объятия. Дэмиен тихо рассмеялся, с лёгкостью поймал её и закружил. По залу эхом разнеслись аплодисменты, девушки покраснели, а некоторые смотрели с завистью. Идеальная пара.

София не хотела того, что было у сестры. Всё, чего она хотела, – это вернуть своего друга.

Мальчика, который спарринговал с ней. Который делился водой после тренировки. Который заступался за неё, когда другие насмехались над её весом. Который однажды чуть не избил другого парня до крови за то, что тот назвал её «запаской».

Этим мальчиком был Дэмиен.

Но два года назад всё изменилось. Он перестал с ней разговаривать.

– Держись от меня подальше, София, – сказал он с презрением, глядя ей в глаза и крепко сжав челюсти.

Без причин. Без объяснений. Просто приказ.

И с того момента они стали чужими.

В ту ночь София думала о смерти. Она молила Богиню Луны забрать её во сне. Но Богиня так и не ответила на её молитвы.

– С днём рождения, Лола, – просиял Дэмиен, протягивая ей подарок, перевязанный красной лентой.

Он сказал что-то, что рассмешило толпу. Лола покраснела и наклонилась, чтобы поцеловать его в щёку.

София отвернулась, прикусив дрожащую губу. Но что-то заставило её обернуться. А когда она набралась смелости это сделать, то уже не смогла отвести взгляд.

Взгляд Дэмиена был прикован к ней.

2 Особенный

Это, должно быть, произошло случайно. Просто обязано. Он поймал её взгляд. У неё перехватило дыхание. Его челюсть сжалась, и он отвернулся. Лола взяла его под руку, и вместе они исчезли в толпе.

Не в силах больше оставаться, София хотела укрыться на кухне. Но как только она собралась это сделать, кто-то грубо схватил её за руку. Она поморщилась и обернулась, чтобы посмотреть, кто это был.

– А вот и ты. Пойдём со мной, – холодно сказала шеф-повар, таща Софию через весь зал. У Софии перехватило дыхание. Что же она натворила на этот раз?

Теперь все взгляды были прикованы к ней. Кое-кто шептался и показывал на неё пальцем.

– Должно быть, она опять что-то натворила.

– Фу, ну почему она ничего не может сделать как надо?

– Как думаешь, она пытается испортить праздник своей сестры?

София с трудом сдерживала слёзы. Она посмотрела в ту сторону, куда её тащила шеф-повар. Сердце в её груди замерло.

– Что происходит? – спросила София, когда наконец обрела дар речи.

– У тебя неприятности. Тебя ищет Мадам, и она в ярости.

София знала, что означает гнев её матери. Всякий раз, когда Леди Кара была в ярости, виноватой всегда оказывалась она. Едва встретившись с хмурым взглядом матери, София поняла, что ей конец.

Не успела она и слова сказать, как мать дала ей пощёчину. Звук удара эхом разнёсся над музыкой. Теперь все взгляды были устремлены на неё. По толпе пронёсся вздох изумления. Несколько гостей отвернулись, перешептываясь за ладонями.

– Ты просто не можешь видеть свою сестру счастливой, да?! – в гневе прошипела Леди Кара Софии.

– Что я сделала? – спросила София, и её губы дрожали. Чем она заслужила такое публичное унижение?

Леди Кара схватила горсть печенья и швырнула его в Софию, вызвав новый вздох изумления у гостей.

– Это ты помогала печь это печенье, не так ли? Таким образом ты решила испортить день рождения сестры? Оно солёное!

– Что? Нет, Мать, я не...

– Не лги мне! – рявкнула Леди Кара, её гнев достиг предела. – Вечно завидуешь. Вечно пытаешься всё испортить своей милой сестричке. Бесполезная!

У Софии сдавило горло. Она чувствовала давление каждой пары глаз, уставленных на неё. Это душило. Она огляделась, поймав взглядом Дэмиена. Он смотрел на неё с отвращением.

Сердце Софии разбилось. Ей было всё равно, что о ней думают другие, как они на неё смотрят. Её волновало лишь то, что о ней думает Дэмиен, как он на неё смотрит.

– Я не хотела... – прошептала она, но голос сорвался, прежде чем она успела закончить.

– Не желаю больше слышать твоих оправданий! – Леди Кара снова занесла руку, готовая ударить.

София вздрогнула, всё её тело напряглось.

– Хватит!

В зале воцарилась тишина. Музыка стихла. Дэмиен шагнул вперёд.

Его взгляд впился в Леди Кару, и на мгновение в его глазах блеснуло что-то острое. Он ненавидел видеть Софию такой. Ненавидел, как она стояла, держась за щеку и дрожа. Да, он

ненавидел её – по крайней мере, так он себе говорил. Он говорил себе, что ненавидит её каждой фиброй своей души, но вид её унижения пробудил в нём что-то.

Он заставил себя сохранить холодное выражение лица.

– Это особенный день Лолы, – сказал он, – а мы тут уделяем внимание запасной, которая его не заслуживает.

Рука Леди Кары опустилась, челюсти плотно сжались.

Дэмиен обвёл взглядом зал. – Мы не должны забывать, кого мы здесь чествуем. Нашу Лолу.

В груди у Софии всё сжалось. Его слова ранили сильнее, чем удары матери. Ей хотелось закричать на него, спросить, почему он так её презирает. Неужели он не помнил? Неужели не помнил, как однажды защищал её ото всех?

Теперь он сам смотрел на неё с отвращением.

Дэмиен сохранял свою маску. Он не мог позволить никому увидеть правду.

– А теперь, – твёрдо сказал он, – хватит отвлекаться. Я должен сделать объявление.

Толпа зашумела от предвкушения. Лицо Лолы просияло. Она с гордостью взяла его под руку, улыбаясь всем так, словно уже знала, что он собирается сказать.

Он глубоко выдохнул, выражение его лица было непроницаемым. – Раз уж мы все сегодня здесь собрались, – сказал он спокойным голосом, – я думаю, это идеальное время для объявления. – Он взглянул на Лолу, которая сияла, глядя на него снизу вверх, словно этот момент уже принадлежал ей. – Мы с Лолой официально встречаемся.

Зал взорвался радостными криками и аплодисментами. Волки хлопали, некоторые выли от восторга. Засверкали вспышки фотокамер, словно это был тот самый момент, которого все так ждали.

У Софии перехватило дыхание. Эти слова ударили её, как нож в грудь.

Дэмиен наклонил голову и на глазах у всей толпы прижался губами к губам Лолы. Зал обезумел – все кричали, смеялись, поздравляли.

Кто-то крикнул: «Идеальная пара!», и этот клич подхватили, голоса возвышались над музыкой.

София не могла пошевелиться. Не могла дышать. Щека горела от пощёчины, но боль в груди была сильнее. Она смотрела, как Дэмиен целует Лолу, обнимая её так, словно она была единственной девушкой в мире.

Взгляд её затуманился. Она быстро заморгала, не позволяя слезам пролиться на глазах у всех.

В тот момент ей хотелось, чтобы земля разверзлась и поглотила её целиком. Она не хотела так жить, смотреть, как парень, которого она любила всю свою жизнь, целует её сестру.

– Дыши... София... дыши, – прошептала она себе, пытаясь взять себя в руки.

Но тут – его глаза нашли её. Сквозь море лиц, сквозь размытые силуэты тел, толпящихся вокруг него, взгляд Дэмиена скользнул мимо толпы и остановился на ней.

В его глазах было что-то непонятное и противоречивое. Что-то, что могла уловить только она.

Беспокойство? Сожаление?

Может, ей всё это кажется? Она видит то, что хочет видеть?

У неё сжалось в груди. Дэмиен моргнул и отвернулся. Руки Лолы обвились вокруг его шеи. Она скрепила их губы ещё одним глубоким страстным поцелуем. Толпа снова взревела.

На этот раз именно Лола смотрела на неё с дьявольской ухмылкой.

София больше не могла этого выносить. Она развернулась и выбежала из зала. Сработали инстинкты, и ноги сами понесли её в комнату.

София ввалилась в комнату, сжимая грудь, словно пытаясь удержать сердце от того, чтобы оно не расколосось на части. Она рухнула на балконе, пытаясь сдержать слёзы, но не смогла.

Слёзы, которые она так упорно сдерживала, наконец хлынули наружу. Она зажала рот рукой, чтобы заглушить звук, но рыдания всё равно вырывались. Парень, которого она любила, сколько себя помнила, поцеловал её сестру – объявил на неё права перед всей стаей.

– Перестань... перестань плакать... пожалуйста, – прошептала она себе.

– Всё такая же жалкая.

София замерла.

3 Падение

– Я знала, что ты будешь здесь, – фыркнула Лола, входя в комнату и с силой захлопнув дверь.

Победоносная усмешка тронула её губы, когда она подошла к балкону и остановилась прямо перед Софией.

София нахмурилась. Ничего хорошего не случилось, когда Лола её искала. Она пришла либо чтобы поиздеваться над ней, либо для чего-то похуже.

– Ты не можешь оставить меня в покое, Лола? – спросила София ровным, усталым тоном. Она просто хотела, чтобы её оставили в покое.

Лола усмехнулась. Она склонила голову набок.

– Оставить тебя в покое? – передразнила она. – Никогда, сестрёнка. Я никогда не оставлю тебя в покое.

София отвернулась, но Лола подошла ближе. Она схватила Софию за воротник платья, заставляя их посмотреть друг другу в глаза.

– Больно было? – прошептала Лола, и её усмешка стала шире. – Смотреть, как он целует меня? Слышать, как он говорит, что я – его?

У Софии перехватило горло, но она молчала.

– Тебя, должно быть, это убивало изнутри, – Лола наклонилась ближе, её усмешка превратилась в ухмылку. – Он выбрал меня, София. Не тебя. И сделал это на глазах у всех! Он мой.

Она швырнула Софию на пол.

– Ты ему больше не нужна. Ты – ничтожество.

Глаза Софии снова защипало, но она прикусила губу, не желая доставлять Лоле удовольствие видеть её слёзы. Она заглянула вглубь себя, цепляясь за остатки мужества, чтобы скрыть боль.

– Ладно, твоя взяла. Ты всегда побеждаешь. А теперь иди веселись на своей вечеринке и оставь меня, чёрт возьми, в покое!

Лола покачала головой: – Ты что, ничего не слышала? Я с тобой ещё не закончила. Я твой худший кошмар.

Губы Софии задрожали, но она выдавила из себя: – Почему, Лола? Почему ты меня ненавидишь? Мы же сёстры. Я любила тебя. Сёстры должны любить друг друга!

На мгновение Лола просто уставилась на неё, а затем её губы скривились в жестокой улыбке.

– Любить тебя? – фыркнула Лола. – Ох, София, я ненавидела тебя с самого детства.

София застыла, её глаза расширились.

– У тебя было всё. Ты была умной, идеальной. Все любили тебя. Даже Бабушка... – взгляд Лолы потемнел. – Ты была её любимицей. Она обожала тебя. А не меня. Это никогда была не я. Никому не было дела до маленькой Лолы. Я всегда на втором месте после тебя.

София покачала головой: – Нет... Лола, это неправда...

– О, ещё как правда, – резко оборвала её Лола. – Я ненавидела тебя за это. Я ненавидела, как они смотрели на тебя, хвалили и хотели, чтобы ты преуспела. Ты была золотой девочкой. А потом... потом что-то изменилось.

Она усмехнулась. – Ты начала набирать вес. Из центра их внимания ты превратилась в посмешище. А я? – Она с довольной улыбкой коснулась короны на своей голове.

– Я заняла твоё место. Теперь они обожают меня. Даже Дэмиен бросил тебя.

Лола посмотрела на Софию сверху вниз и заявила: – Твои страдания приносят мне радость, сестрица.

– Я не понимаю, – прохрипела София, качая головой. У неё сдавило грудь.

– Я делилась с тобой всем: куклами, платьями... всем, что любила, я отдавала тебе, лишь бы увидеть твою улыбку. – Она задыхалась от слов, но не останавливалась.

– Я принимала за тебя наказания. Разве не помнишь? Когда ты разбила папину любимую чашку, мамины любимые браслеты... это я брала вину на себя.

Когда ты не понимала уроки, именно я не спала ночами, чтобы помочь тебе, потому что хотела, чтобы у тебя всё получалось.

Каждый раз, когда ты что-то портила, расстраивала Мать, я всё исправляла. Я всё улаживала. Я позволяла всем думать, что это я. Что я сделала, чтобы заслужить твою ненависть?

София прижала руку к своему ноющему, разбитому сердцу, сжав её в кулак: – Я хранила твои секреты. Как бы жестока ты ни была ко мне, я никогда не предавала тебя, потому что ты моя сестра. И я любила тебя...

Лола медленно хлопнула. Каждый неспешный хлопок эхом отдавался в ночи.

– Мне что, дать тебе награду как лучшей старшей сестре на свете? – издевалась Лола. – Очнись, София. Именно поэтому я тебя и ненавижу! Ты слишком, чёрт возьми, идеальная!

София покачала головой, вытирая слёзы тыльной стороной ладони. Её голос звучал слабо и дрожал.

– Так моё единственное преступление в том, что я была хорошей сестрой? В том, что любила тебя, пока ты меня ненавидела?

София больше не могла этого выносить. Она хотела от всего этого уйти. Она попыталась пройти мимо Лолы, но сестра схватила её за запястье.

– Ты никуда не пойдёшь, – прошипела Лола. С поразительной силой она дёрнула Софию назад и развернула так, что та вжалась спиной в перила балкона.

У Софии перехватило дыхание. Внезапно ночной воздух показался холоднее.

– Лола, отпусти меня.

Она сжала хватку, её глаза горели чистой ненавистью. – Разве ты не хотела, чтобы я была счастлива, София?

Она наклонилась ещё ближе, так близко, что София почувствовала её дыхание на своём затылке.

– Если ты умрёшь сейчас, это сделает меня очень-очень счастливой.

Глаза Софии расширились, на её лице промелькнуло замешательство. – Что ты такое говоришь?

Лола наклонилась совсем близко, её голос перешёл в шёпот, от которого у Софии поползли мурашки по коже. – Сегодня ты умрёшь. И все поверят, что ты покончила с собой.

Прежде чем София успела это осознать, Лола толкнула её в плечи, пытаясь перекинуть через перила.

София ахнула и начала сопротивляться, её руки вцепились в холодные перила, а ноги заскользили по полу. – Лола, прекрати! Пожалуйста!

Они боролись, прижавшись телами друг к другу, их дыхание было частым и прерывистым. София пыталась оттолкнуть её – не чтобы причинить боль, а лишь чтобы спастись.

Но каблук Лолы зацепился за край пола. Её усмешка дрогнула, когда она потеряла равновесие.

– Нет!.. – крикнула София, протягивая руку. Но было слишком поздно.

Тело Лолы накренилось, и, мелькнув серебряным платьем и разметавшимися волосами, она перевалилась через перила балкона.

Пять этажей вниз.

Её крик эхом разнёсся в холодной, безмолвной ночи.

София застыла. Вцепившись в перила, она перегнулась через них, широко раскрытыми глазами глядя во тьму внизу.

4 Обвиняемый

– ЛОЛА!

Крик вырвался из горла Софии прежде, чем она успела это осознать. Всё её тело неистово дрожало, пока она отшатывалась от перил. Грудь сдавило, а дыхание срывалось на частые, прерывистые вздохи.

– Нет... нет... нет... – прошептала она, схватившись за голову обеими дрожащими руками.

И тогда она побежала.

София ворвалась в зал, задыхаясь. Её лицо было бледным, а сердце колотилось так сильно и часто, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

– На помощь! – закричала София. – Лола упала!

По залу пронеслись вздохи изумления. Музыка смолкла. Бокалы выскальзывали из рук и ударялись о стол.

– Помогите! Прошу вас! – плакала София, её голос дрожал.

Она выбежала на улицу. Холодный воздух обжёг кожу, а в груди всё горело, пока она осматривала землю.

И тогда она увидела Лолу.

Разбитую, лежащую на каменной тропинке. Её серебряное платье было разорвано. Её корона, лежавшая на земле, треснула.

У Софии подкосились колени. – Нет... – прошептала она, качая головой. – Нет, нет, нет...

За её спиной вздохи изумления сменились криками.

– Нет! – закричала Леди Кара, её голос срывался, когда она бросилась вперёд. Она упала на колени рядом с изувеченным, безжизненным телом своей дочери. Бета Стивен и Дэмиен были прямо за ней, их лица побледнели от шока.

Леди Кара заключила Лолу в объятия, осторожно качая её, словно объятия могли вернуть её к жизни. – Только не моя девочка... прошу, не моя малышка, – рыдала она, уткнувшись лицом в волосы Лолы. Её рыдания разрывали ночную тишину.

– Кто-нибудь, помогите ей! – кричала она дрожащим голосом. – Пожалуйста, кто-нибудь, помогите моей дочери!

Толпа в ужасе замерла. Затем сквозь неё протолкнулась какая-то фигура. Целительница стаи, пожилая рыжеволосая женщина, бросилась вперёд. Она опустилась на колени рядом с Леди Карой и осторожно возложила руки на тело Лолы.

– Положите её на спину, – быстро скомандовала целительница. Бета Стивен оттащил свою жену назад, хотя та сначала сопротивлялась, цепляясь за Лолу. Наконец он разжал её руки, и целительница осторожно уложила Лолу на холодный камень.

Она прижала обе ладони к груди Лолы и, закрыв глаза, зашептала быстрое заклинание. Её губы двигались без остановки. Слабое свечение озарило её руки, медленно распространяясь и просачиваясь в грудь Лолы.

– Дыши, дитя... дыши... – тихо уговаривала целительница. Её голос дрожал, хоть она и пыталась сохранить самообладание. Свечение вспыхивало ярче, затем тускло, и снова разгоралось.

Вся стая наблюдала в тишине, затаив дыхание, с колотящимися сердцами. Матери прижимали к себе детей. Некоторые волки тихо плакали. Единственными звуками были отчаянное заклинание целительницы и приглушённые рыдания Леди Кары за её спиной.

– Вернись... прошу, вернись к нам, – шептала целительница, вливая в ладони ещё больше силы.

Лола не шевелилась. Её грудь была неподвижна. Губы оставались бледными. Кровь струилась из раны на голове, окрашивая её серебряное платье и растекаясь тёмным пятном по каменной тропинке.

Ничего не произошло.

Наконец целительница остановилась. Её плечи опустились. Она медленно подняла голову, её глаза были полны скорби.

– Она ушла, – прошептала целительница.

София сидела, словно парализованная. Горячие слёзы лились непроизвольно, застилая взгляд. Тело содрогалось от рыданий, грудь болела от рваных вздохов. Шёпот вокруг неё становился всё громче, долетая до её ушей.

– Лола пошла искать сестру...

– София видела её последней...

– Завистливая крыса, она ненавидела Лолу.

– Нет, не верю, София бы не смогла...

– Тогда почему она так плачет? Должно быть, виновна.

София покачала головой, поднимая взгляд на собравшихся гостей. Некоторые избегали встречаться с ней глазами. Другие уже вынесли свой вердикт. Они считали её виновной.

– Нет! Нет, не моя девочка! – кричала Леди Кара, качая холодное тело Лолы в своих руках и рыдая в волосы дочери.

Бета Стивен закрыл глаза и тяжело вздохнул. Он ничего не сказал.

Дэмиен сидел неподвижно, глядя на безжизненное тело Лолы. Его рука, касавшаяся её платья, дрожала, губы приоткрылись, словно он хотел отрицать то, что видел. На мгновение его глаза остекленели от горя, а на лице отразилось неверие.

Затем его лицо ожесточилось. Горе сменилось яростью.

Он встал и встретился взглядом с Софией.

Сердце Софии похолодело, когда мать посмотрела на неё с такой же яростью.

– Это ты! – Леди Кара указала на Софию. – Ты её убила! Ты столкнула Лолу! Ты всегда её ненавидела! Ты убила мою дочь!

– Это она сделала.

– Я видел их вместе наверху.

– Она хотела Дэмиена себе.

София замотала головой, роняя слёзы. – Нет... нет, я не делала этого... Я не толкала её...

Но никто не слушал.

Дэмиен в мгновение ока оказался рядом. Он грубо схватил её за руку, вытаскивая из тени на всеобщее обозрение.

София ахнула, пытаясь вырваться. – Дэмиен, пожалуйста...

– Не смей произносить моё имя! – прорычал он, его голос дрожал от ярости. – Ты убила её. Ты убила Лолу. София, как ты могла!

Её тело содрогалось от рыданий. – Нет, клянусь, это не я... Не я!

Но толпа кричала ещё громче:

– Проклятый урод!

– Убийца!

– В темницу её!

Леди Кара, обнимая тело Лолы, закричала с земли: – Я хочу её смерти! Казните её!

Сердце Софии разрывалось. Она посмотрела на отца. – Отец... пожалуйста...

Но Бета Стивен даже не посмотрел на неё. Он отвернулся.

Дэмиен сильнее сжал её руку. Он притянул её ближе, его голос был тихим и полным ярости. – Ты ненавидела её, потому что хотела меня, – выплюнул он. – А я выбрал её. Неужели

ты думала, что я не замечал, как ты смотрела на меня все эти годы? Жалкая и отчаявшаяся. Неужели ты и вправду думала, что когда-нибудь понадобится мне?

У Софии перехватило дыхание, всё её тело дрожало.

Голос Дэмиена стал громче, жестоким и резким. – Слушай внимательно, София. Ты никогда не заменишь Лолу. Толстая. Слабая. Проклятая. Ты мне отвратительна, София.

Сердце Софии разбилось вдребезги.

Мальчик, которого она любила всю свою жизнь, мальчик, который когда-то защищал её, теперь уничтожил её на глазах у всех.

Дэмиен почувствовал, как к его ярости примешалось что-то, чему он не мог дать названия. Он не знал, что причиняло больше боли – вид безжизненного тела Лолы у его ног или тот факт, что София превратилась в это чудовище.

Его милая, невинная София... самая чистая девушка, которую он когда-либо знал, исчезла. На её месте стояла ревнивая, коварная убийца – или так казалось.

– Стража! – он толкнул её в руки охранников. – Отведите её в подземелье. Она останется там, пока мы не решим, какого наказания она заслуживает.

Гости одобрительно завывали, соглашаясь с приказом Дэмиена.

София кричала сквозь слёзы: – Я не убивала её! Пожалуйста, вы должны мне поверить!

Она пыталась вырваться из рук стражи, но их хватка только усилилась. Леди Кара поднялась с колен. Её лицо покраснело и исказилось от ненависти и горя. Она подскочила к Софии и наотмашь ударила её по лицу.

София перестала кричать. Она хотела умолять мать, но ей не дали шанса. Леди Кара не остановилась. Она ударила Софию снова. И снова. Каждый удар был сильнее предыдущего.

– Ты убила мою дочь! – кричала она, безжалостно избивая её пощёчинами. – Ты умрёшь за это!

– Ты, проклятое дитя – вечно завистливая, вечно полная ненависти!

София вскрикнула, её лицо горело от ударов, но стражники держали её крепко. Слёзы текли по щекам, пока она умоляла: – Мать, пожалуйста, я не...

– Я тебе не мать! – выплюнула Леди Кара, тяжело дыша.

Её голос стал холодным: – Ты не моя дочь.

Сдавленно всхлипнув, она развернулась и, пошатываясь, вернулась к телу Лолы, снова погружаясь в своё горе.

София стояла, дрожа, её лицо было красным и мокрым от слёз, а сердце – разорвано на куски.

– Уведите её.

Последнее, что увидела София, прежде чем её уволокли, – это Дэмиен, стоящий на коленях рядом с Лолой, его лицо было скрыто в ладонях.

Мальчик, которого она любила, теперь ненавидел её.

Мать отсеклась от неё. Отец проигнорировал.

Все они отвернулись от неё.

Её жизнь была кончена.

5 Водяная клетка

«Я не убивала её!» – закричала София. Горло болело, а глаза опухли от слёз. «Пожалуйста, вы должны мне верить!»

Стражники не ответили. Их руки железной хваткой вцепились в её предплечья, таща её по коридору.

Коридор был длинным и узким. С каменных стен сочилась вода. Пол пах плесенью и застарелой кровью. Тени следовали за ними, словно тёмные призраки.

Сердце Софии гулко стучало. Страх наполнил её грудь, пока её тащили всё глубже в подземелье. Она слышала истории. Людей запирали здесь, и они никогда не возвращались.

«Нет...» – прошептала она, качая головой. «Нет, пожалуйста...» Но стражники не обращали на неё внимания.

В конце коридора виднелась тяжёлая железная дверь. Один из стражников толкнул её. Петли взвизгнули, и в нос Софии ударил запах – мокрой соломы, затхлости и ржавчины.

Её затащили внутрь. Слабая лампочка под потолком мерцала, бросая на стены дрожащий свет. И тогда она увидела это.

Водяная клетка.

Она была маленькой. Прутья были так низко, что можно было только сидеть на корточках. Внутри была тёмная, мутная вода. Она покрылась рябью, когда стражники пинком открыли люк.

У Софии перехватило дыхание. «Нет, пожалуйста, не надо! Я этого не делала!»

Один из стражников наконец заговорил. Его голос был ровным и холодным. «Приказ Сэра Дэмиена».

Её толкнули вперёд. Она споткнулась, ударившись телом о прутья. Ледяная вода хлынула ей на ноги, насквозь промочив платье. Она ахнула. Её толкнули сильнее, заставляя опуститься. Вода поднялась до пояса. Затем до груди. Затем до шеи.

Дверца клетки с громким лязгом захлопнулась. Замок щёлкнул.

«Она и ночи не протянет», – пробормотал один стражник.

«Это не наши проблемы, – ответил другой. – Приказ есть приказ».

«Нет!» – закричала София. Её замёрзшие пальцы вцепились в прутья. «Не оставляйте меня здесь!»

Но стражники развернулись и ушли, и стук их сапог эхом отдавался в коридоре, пока не воцарилась тишина.

Вода доходила ей до подбородка. Клетка была слишком маленькой, чтобы встать, и слишком низкой, чтобы выпрямиться. Колени царапали железный пол, пока она сидела на корточках, неистово дрожа. Если она поскользнётся, если силы покинут её, она утонет, как животное.

Её пальцы вцепились в ржавые прутья, но те были скользкими от слизи, и руки снова и снова соскальзывали.

Слёзы текли по её щекам, горячие на ледяной коже. Её губы дрожали, когда она шептала в темноту: «Почему? Почему я? Почему это происходит со мной?»

Она крепко зажмурилась. «Это кошмар, София. Проснись. Проснись».

Но когда она снова открыла глаза, ничего не изменилось. Клетка была на месте. Вода была на месте. Холод по-прежнему пожирал её живо. Это был не сон. Это была её реальность.

В груди всё сжалось, когда её мысли вернулись к жизни, которая, как она думала, у неё всё ещё была. Через две недели ей должно было исполниться двадцать. Она говорила себе, что после выпускных экзаменов уедет отсюда. Покинет эту стаю. Уедет далеко, начнёт новую жизнь, где никто не будет называть её лишней или смеяться над её весом, где никто не будет смотреть на неё с отвращением.

Она мечтала о свободе. О новой жизни.

О том, чтобы найти свой собственный маленький дом.

О том, чтобы просыпаться, не боясь презрения своей матери.

О том, чтобы гулять по лесу, не слыша насмешливого голоса Лолы.

О том, чтобы жить жизнью, в которой она сможет наконец-то вздохнуть полной грудью.

Но теперь... эта мечта умерла.

Здесь её ждала только Смерть, и она это знала.

Час спустя грудь Софии начало сжимать так, что казалось, будто она совсем не может дышать. Её лёгкие молили о воздухе. Она хватала ртом воздух, но каждый вдох выходил короткими, прерывистыми всхлипами.

Её тело неистово трясло, паника подступала к горлу, словно удушающая верёвка.

«Я не могу...» – прошептала она, её руки царапали скользкие прутья. «Я не могу дышать...»

В её сознании вспыхнуло воспоминание – она была младше, лет тринадцати, когда её грудь свело точно так же. Она вспомнила, как упала на тренировочном поле, дрожа и задыхаясь, пока мир вращался вокруг. Она вспомнила Дэмиена, стоявшего рядом на коленях, его руки на её плечах, его успокаивающий голос... его зелёные, манящие глаза, устремлённые на неё.

«Посмотри на меня, София. Сделай глубокий вдох. Вдох... а теперь выдох. Ещё раз. Ты справишься».

От этого воспоминания в груди сжалось ещё сильнее, но она заставила себя попробовать.

«Вдох...» – прошептала она, втягивая дрожащий вдох носом. «Выдох...» – выдохнула она, хотя всё её тело по-прежнему дрожало. Она повторяла это снова и снова, как он когда-то учил её, пока не смогла хотя бы держать голову над ледяной водой.

Её зубы стучали, дыхание было прерывистым, но она оставалась жива.

И вдруг она замерла. Она что-то слышала... шаги. Тяжёлые, размеренные, эхом разносившиеся по коридору.

Воздух наполнил скрежет железа, когда дверца клетки открылась и распахнулась. Сильные руки схватили её за предплечья и вытащили наверх. Вокруг неё расплескалась вода, потоками стекая с одежды, пока её вытаскивали из клетки.

Её колени подогнулись, ноги ослабли от холода. Она споткнулась, но стражники не сбавили шага.

«Куда... куда вы меня ведёте?» – хрипло прошептала София, и страх сжал её сердце.

Стражники не ответили. Они лишь быстрее потащили её по коридору, вверх по длинным каменным ступеням и прочь из темноты подземелья.

Свет ударил ей в глаза, слишком яркий после темноты. Она заморгала, сердце колотилось, пока она не поняла, куда её привели.

В дом стаи.

А дальше, в зал стаи.

Двери распахнулись, и у Софии перехватило дыхание.

Все были там. Старейшины, воины, омеги – все в сборе. Их голоса смолкли, когда они обернулись, чтобы посмотреть на неё.

Их взгляды были острыми, полными осуждения.

София дрожала в мокром, облепившем её платье, с которого вода из подземелья капала на полированный пол. Её сердце ушло в пятки, когда она поняла, что это – суд.

Стражники протащили её вперёд, пока она не оказалась в передней части зала, и швырнули на пол. К её ужасу, там стояли её родители. Мать рыдала на руках у отца, её красивое жёлтое дизайнерское платье было запачкано кровью Лолы.

София покачала головой, её губы дрожали, а широко раскрытые глаза отчаянно метались по толпе – старейшины, подавшиеся вперёд с суровыми взглядами, перешёптывающиеся

воины, омеги, беспокойно переминавшиеся с ноги на ногу, словно боясь, что их застанут за разглядыванием её. Как её суд мог начаться так скоро? С момента происшествия прошло едва ли два часа – почему они судят её уже сейчас?

Её мать рыдала на руках у отца. «Как ты могла, София? Моя детка... моя Лола...»

Губы Софии задрожали, новые слёзы покатались по щекам. «Мать, нет, пожалуйста! Ты же знаешь меня! Я бы никогда...»

Внезапно резкий скрип входных дверей заставил зал замолчать.

Все встали.

Вошёл Альфа Моррисон, отец Дэмиена. Его присутствие мгновенно заполнило зал, внушая уважение без единого слова. Его широкие плечи были напряжены, лицо – будто высечено из камня, а глаза темны, как ночь.

За ним вошёл Дэмиен.

При виде него сердце Софии ёкнуло.

Он не переоделся. Его рубашка всё ещё была в пятнах крови Лолы, и алые разводы на белой ткани выделялись, словно свежие раны. Его лицо было бледным, челюсти стиснуты, а зелёные глаза тонули в скорби. Он шёл скованно, словно каждый шаг давался ему с трудом.

И когда эти глаза наконец поднялись и встретились с её, в них не осталось мягкости. Ни следа того мальчика, который когда-то учил её дышать.

Только гнев.

Только горе.

Только ненависть.

У Софии перехватило дыхание, в горле жгло.

Голос Альфы Моррисона прогремел по залу, заставив её вздрогнуть.

«Ведите её вперёд. Суд начинается сейчас».

Стражники схватили её за руки и силой поставили на колени.

Её губы задрожали. Она медленно подняла голову, глядя на Альфу. «Пожалуйста, Альфа, – прошептала она дрожащим голосом. – Я невиновна. Я не толкала её, клянусь, не толкала! Мы с Лолой... да, мы поссорились, но потом она... она поскользнулась...»

«Молчать».

Яростный голос Альфы Моррисона пронёсся по залу. Его гневные глаза были прикованы к ней.

«Ты смеешь стоять передо мной на коленях и лгать? – его слова гремели, эхом отражаясь от стен. – Думаешь, можешь исказить правду, когда уже найдены доказательства?»

У Софии перехватило дыхание. Её тело похолодело, став холоднее, чем вода из подземелья, в которой она едва не утонула.

Доказательства?

Её широко раскрытые глаза метались от одного лица к другому в толпе, а сердце громко колотилось.

«Какие... какие доказательства?» – прошептала она, и страх сдавил ей горло.

6 Видео

“Молчать!” – прогремел Альфа Моррисон. Его властный голос эхом разнёсся по огромному главному залу, ударяясь о каменные стены, словно приказ с небес.

Сердце Софии заколотилось так сильно, что отдавало болью. Улики... какие улики? Её широко раскрытые глаза отчаянно метались по залу в поисках хотя бы одного лица, которое не смотрело бы на неё с ненавистью. Но куда бы она ни посмотрела, она видела лишь осуждение. Порицание. Отвращение.

“Внесите,” – приказал Альфа Моррисон.

Вперёд вышел воин с небольшим чёрным устройством в руках. Он поставил его на длинный стол и подключил к экрану, висевшему на стене. Свет в зале приглушили, и все взгляды устремились на экран.

Пульс Софии стучал в ушах. В горле у неё пересохло, пока она не отрывала дрожащего взгляда от экрана. Он, мерцая, ожил, а затем... вот он. Балкон. Её балкон.

Изображение было зернистым, но достаточно чётким, чтобы разглядеть две фигуры: её и Лолу.

Руки Софии дрожали, пока она смотрела. Видео началось. На нём было видно, как она стоит рядом с Лолой, их лица напряжены, они спорят. Затем... у неё всё внутри оборвалось.

На экране её руки толкнули Лолу. Лола пошатнулась, беспорядочно взмахнув руками, её лицо застыло в шоке, пока она пыталась удержаться за перила. Затем с пронзительным криком она перевалилась через край.

По залу пронеслись вздохи ужаса.

“Нет!” – закричала София, резко мотая головой из стороны в сторону. “Всё было не так. Это ложь!”

Но экран показал это снова, в замедленном повторе: её руки толкают, Лола падает. Она смотрела на это с ужасом и растерянностью.

Что-то было не так. Момент, ракурс – всё было неправильно. Она помнила, как Лола схватила её за запястье, притянула к себе, шепча угрозы... но ничего из этого на экране не было. Видео было чистым, слишком чистым.

Это была ложь. Его смонтировали.

Она резко повернула заплаканное лицо к Альфе Моррисону, её губы дрожали. “Это не по-настоящему... это неправда... Я не толкала её...”

Но никто не слушал.

Стая взорвалась от ярости.

“Она толкнула её!”

“Она убила собственную сестру!”

“Чудовище!”

Леди Кара закричала. Она прижалась к Бете Стивену, её лицо было мокрым от слёз. “Убейте её! Она убила мою дочь! Она должна умереть!”

Толпа одобрительно взревела, топая ногами и требуя крови.

Голос Софии эхом разнёсся по залу. “Нет, это неправда! Видео изменили. Пожалуйста, вы должны мне поверить!”

Но её слова лишь сильнее разозлили их.

Дэмиен шагнул вперёд. Его лицо было бледным, а зелёные глаза горели от горя и ярости. Он остановился прямо перед ней, и его тень накрыла её дрожащее тело.

Прежде чем она успела снова заговорить, рука Дэмиена ударила её по щеке.

Хлоп!

Зал затих. Голова Софии резко дёрнулась в сторону, а щека вспыхнула красным. Она замерла, широко раскрыв глаза; её губы приоткрылись, но с них не сорвалось ни звука.

“Довольно твоей лжи,” – выплюнул Дэмиен. Его руки по бокам дрожали.

Он не знал, что ранило больше: то, что Лола, девушка, которую он согласился полюбить, была мертва, вырвана у него одним неосторожным движением... или то, что София... его некогда невинная София... убила её.

Та самая София, которую он когда-то защищал ценой своей жизни. Та самая девушка, за которую он готов был поклясться жизнью, что она и мухи не обидит.

Он смотрел на неё с такой ненавистью, но это было не в новинку. Его злость на неё родилась не сегодня. Она гноилась годами – с того самого дня два года назад, когда она ранила его так, как никто другой не мог, когда девушка, которую он когда-то обожал, внезапно стала той, кого он, по его собственному заверению, терпеть не мог.

Кулаки Дэмиена сжались по бокам, он нахмурился ещё сильнее. Его ненависть к ней усиливалась.

“Ты заслуживаешь смерти, София...” – прошипел он ей в лицо, прежде чем резко развернуться и ураганом вернуться на своё место.

София осталась стоять на коленях, неподвижная, с опустевшим сознанием. Не было смысла умолять, не было смысла плакать, не было причин объясняться. Были представлены ложные улики, и всё вело к одному неизбежному выводу: смерти.

Альфа Моррисон поднялся на ноги. Всё внимание было приковано к нему, его голос гремел властью.

“По закону этой стаи, – объявил он, и в его глазах читалось тяжёлое разочарование, – ни один волк не может отнять жизнь другого, и уж тем более члена семьи. Убийство – величайшее преступление против нашего вида. И за такое преступление наказание – смерть.”

Толпа одобрительно взревела, топая ногами.

У Софии перехватило дыхание. Она слабо покачала головой, её губы приоткрылись, но с них не сорвалось ни слова. Её голос пропал.

Взгляд Альфы Моррисона был прикован к ней. “София, дочь Беты Стивена, ты признана виновной в убийстве своей сестры, Лолы.”

Его следующие слова были теми, которые она и ожидала услышать.

“Завтра вечером, перед коронацией Дэмиена, ты заплатишь своей жизнью. Казнь через обезглавливание.”

Вздохи ужаса и одобрительные крики потрясли зал. Некоторые волки плакали по Лоле. Другие насмехались над Софией. Леди Кара крепко обняла Бету Стивена, крича от горя и ярости.

“Уведите её,” – приказал Альфа Моррисон.

София не сопротивлялась, когда стражники рывком подняли её. Она не брыкалась и не кричала. Её тело казалось тяжёлым, а разум – пустым. Она онемела, словно больше не находилась в собственном теле.

Зал гудел от шума – одобрительных возгласов, криков, призывов к справедливости – но для неё всё это звучало приглушённо, будто мир был где-то далеко.

Она чувствовала на себе ненавидящие взгляды. Сотни глаз были прикованы к ней, пока её тащили мимо них. Ненависть. Отвращение. Злость. Каждое лицо кричало одно и то же: убийца.

Она опустила взгляд, её грудь мелко вздымалась и опадала. Она приказала себе больше не плакать. Слёзы ей ничем не помогли.

Но затем... она увидела его. Мэтью. Лучший друг Дэмиена. Его будущий Бета.

Он не сверлил её ненавидящим взглядом. Он не сыпал проклятиями. Он не смотрел на неё как на грязь.

Сначала его глаза были пустыми, нечитаемыми, но затем, встретившись с её взглядом, они смягчились. И впервые с тех пор, как начался этот кошмар, София увидела нечто иное.

Жалость.

Её шаг сбился. Стражники потянули её вперёд, но она не могла отвести взгляд от Мэтью. Внезапно губы Мэтью беззвучно шевельнулись. Одно-единственное слово.

“Прости,” – одними губами произнёс он.

От этого единственного слова по её щекам снова покатались слёзы. На этот раз она плакала не потому, что её несправедливо обвинили и приговорили к смерти... на этот раз она плакала потому, что кто-то пожалел её... кто-то поверил, что она этого не делала.

Когда за её спиной захлопнулись двери, зал понемногу успокоился. Тишину наполнил шёпот; стая гудела от возбуждения и ярости по поводу предстоящей казни.

Но Дэмиен сидел неподвижно.

Он хмурился всё сильнее. Его челюсти были стиснуты, а грудь неравномерно вздымалась.

Лолы больше не было. Его Лолы. Девушки, которую он выбрал, девушки, которую он любил – или, по крайней мере, убедил себя, что любит.

Но он видел не лицо Лолы. А лицо Софии – её срывающийся голос, её глаза, умоляющие его поверить ей.

Он резко тряхнул головой. “Нет. Она изменилась. Она чудовище. Я не могу забыть, что она сделала два года назад. Если она смогла сделать то, то сможет и это.

Он прошептал эти слова, словно проклятие, заставляя себя поверить в них, отчаянно ища оправдания.

Его волк, Лукас, всё это время молчавший, зашевелился внутри него, но не проронил ни слова. На мгновение грудь Дэмиена сжало так сильно, что он не мог дышать.

Но затем он подавил это чувство. Он сказал себе, что она лгунья. Убийца.

И всё же... что-то его беспокоило.

“Сын... ты в порядке?” – голос Альфы Моррисона вывел его из задумчивости.

Глаза Дэмиена резко открылись. Он не осознавал, как сильно сжимает подлокотник, пока не почувствовал боль в пальцах. Взгляд его отца был обеспокоенным, хотя и тщательно скрытым за маской Альфы.

“Я знаю, что тебе больно,” – тихо сказал Альфа Моррисон, и его слова предназначались только для Дэмиена. “Но помни – альфы не показывают слабости. Не здесь. Не перед стаей. Завтра твоя коронация. Ты должен быть сильным, что бы ни горело у тебя внутри.”

Дэмиен коротко кивнул, снова надевая маску безразличия. Он поднялся на ноги, игнорируя шёпот вокруг.

Взгляды стаи следовали за ним: одни были полны сочувствия, другие – жалости.

И он ненавидел это. Он ненавидел, как они смотрели на него, словно он был сломлен, словно нуждался в утешении.

Он – Дэмиен. Будущий Альфа. Он не нуждался в жалости.

Его шаги несли его к лестнице, ведущей в его комнату, как и приказал отец... но на полпути он остановился.

Этот запах.

Он замер. Его челюсти сжались, когда он его уловил – слабый, но неоспоримый.

София.

Даже после всего он всё ещё чувствовал её. Её запах был нежным, слегка сладким, как дикий мёд, смешанный с пропитанной дождём землёй. И сколько бы он ни приказывал себе забыть его, его волк беспокойно метался внутри, скребясь в стены его сознания.

Прежде чем он успел подумать, Дэмиен сменил направление. Его шаг стал длиннее, увереннее, следуя за притяжением этого запаха.

Он спустился по лестнице... прошёл по длинному коридору.

Пока не оказался перед темницей.

Стражники напряглись при его приближении, но безмолвно опустили головы.

Грудь Дэмиена вздымалась и опадала, его рука сжалась в кулак, а взгляд был прикован к железной двери.

За ней... была София.

Девушка, которую он ненавидел.

Девушка, о которой он не мог перестать думать.

“Откройте,” – приказал он.

7 Невинный

– Дэмиен... ты здесь... – голос Софии дрожал, как только открылись ворота. Её зубы стучали, синее платье облепило её тело, а мокрые волосы прилипли к лицу. Она вцепилась в прутья так, словно от этого зависела её жизнь, губы её побледнели, а дыхание было сбивчивым.

Дэмиен вошёл с суровым выражением лица. Его сапоги хлюпали по воде на полу. Он остановился перед её клеткой и, нахмурившись, уставился на неё сверху вниз.

– Прошу... – прошептала София срывающимся голосом. – Прошу, Дэмиен, ты должен мне поверить. Я её не толкала. Клянусь, не толкала.

Её слова потонули в рыданиях.

Челюсти Дэмиена сжались. – Не лги мне, – холодно произнёс он. – Я видел видео. Я видел, как ты её толкнула.

София яростно замотала головой, и с её волос закапала вода. – Нет! Это видео – ложь! – выпалила София, её голос дрожал, но был яростным. – Она первая меня схватила – ты же знаешь. Они вырезали правду. Дэмиен, посмотри на меня – ты правда веришь, что я могла причинить ей вред?

Руки Дэмиена сжались в кулаки. Его волк внутри зашевелился, беспокойный, шепча, что что-то не так. Что от неё не пахло ложью.

Но Дэмиен проигнорировал зов своего волка. Его волку всегда нравилась София, так что было легко списать эту реакцию на нечто обычное.

Отогнав эту мысль, он наклонился вперёд, и его зелёные глаза запылали яростью. – Ты заплатишь за это, София... не только за убийство Лолы, но и за то, что ты сделала со мной.

София ахнула. – Что я тебе сделала? О чём ты говоришь? Я бы никогда не причинила тебе вреда, Дэмиен. Никогда.

Его грудь сжалась от боли, когда он наклонился ближе к прутьям, его голос был грубым, с нотками боли. – Думаешь, я не знаю, – прорычал он. – Я знаю, София... я точно знаю, что ты сделала.

Брови Софии сошлись на переносице, на её лице отразилось явное замешательство. Она не понимала. Что он говорит? Причинила ему вред? Как? Она бы никогда... Когда-то Дэмиен был для неё целым миром.

– Дэмиен, о чём ты говоришь? – прошептала она дрожащим голосом.

Он стиснул зубы, когда в груди вспыхнула ярость. Он хотел швырнуть ей в лицо правду – о ране, которую она нанесла ему два года назад. Но слова застряли у него в горле. Гордость не позволяла им вырваться наружу.

Вместо этого он наклонился ближе, его зелёные глаза пылали от ярости.

– Завтра ты умрёшь, – прошипел он. – И когда это случится, я окрашу стены этой стаи твоей кровью.

Губы Софии приоткрылись от шока, её тело затряслось сильнее, а дыхание прервалось рыданиями.

Дэмиен выпрямился, стиснув челюсти, и развернулся на каблуках. Его сапоги захлюпали в мелкой воде, когда он пошёл к двери.

Но тут его волк зашевелился.

«Дэмиен, – резко и обеспокоенно прорычал Лукас в его сознании. – Она не переживёт ночь в этой клетке. К утру она утонет».

Кулаки Дэмиена сжались. – Мне всё равно, – пробормотал он себе под нос.

«Тебе не всё равно, – огрызнулся волк. – Ты хочешь, чтобы она жила. Не лги себе».

Дэмиен замер в дверном проёме, его грудь тяжело вздымалась. Голос его волка не унимался. Он зажмурился, борясь с ним, но в конце концов слова сорвались с его губ прежде, чем он успел их остановить.

– Вытащите её из водяной клетки, – приказал он стражникам, не оборачиваясь. Его голос был холодным и властным. – Посадите её в обычную камеру. Она должна быть жива для завтрашнего обезглавливания.

Стражники быстро склонили головы. – Да, сир.

Дэмиен ушёл. Его предлог был ясен: она должна дожить до своей казни.

Но в глубине души он знал правду.

Дело было не в казни.

А в том, что, как бы он ни убеждал себя, что ненавидит её... он не мог вынести мысли о том, что София умрёт до завтрашнего дня.

Сапоги Дэмиена гулко отдавались о натёртый пол, пока он шёл ураганом обратно в своё крыло. Его рубашка всё ещё была жёсткой от засохшей крови, а грудь сжимала ярость и что-то ещё, чего он не мог объяснить.

Подойдя к своей двери, он замер.

Мэтью ждал.

Челюсти Дэмиена сжались. Не говоря ни слова, он толкнул дверь, и Мэтью вошёл вслед за ним.

В комнате было тускло, её освещали лишь отблески камина. Дэмиен сорвал с себя испачканную кровью рубашку и отшвырнул её в сторону. Запах засохшей крови Лолы вёлся в его кожу, отчего внутри у него всё скрутило.

Он направился напрямик к шкафчику и достал бутылку виски. Его руки слегка дрожали, когда он наливал себе стакан, и янтарная жидкость плескалась внутри. Он осушил половину одним глотком, а затем с грохотом поставил стакан на стол.

Мэтью внимательно следил за ним взглядом. Его голос был тихим и осторожным.

– Дэмиен... что-то не так.

Дэмиен замер, его плечи напряглись.

Мэтью подошёл ближе. – Видео... оно было слишком чистым. Слишком идеальным. Мы оба знаем, как глючат эти камеры, как они упускают ракурсы. Но это? Оно показало именно то, что они хотели нам показать.

Челюсти Дэмиена сжались, когда он медленно повернулся к Мэтью, и его зелёные глаза потемнели.

– И что ты думаешь, Мэтью? – прорычал он. – Что она невинна? Что София её не толкала?

Мэтью не вздрогнул. – Я говорю, что что-то не так. Ты позволяешь гневу ослепить себя. Ты видел её лицо, Дэмиен. Ты слышал её голос. Она не лгала.

Мускул на челюсти Дэмиена дёрнулся. Он резко хохотнул, но в этом смехе не было веселья.

– Я так и знал, – выплюнул он. – Я знал, что она тебе всегда нравилась.

Мэтью нахмурился, но гнев Дэмиена только рос.

Он стиснул зубы. Его волк беспокойно зашевелился, но он подавил его. Глубоко внутри ревность, которую он похоронил, снова процарапывалась наверх. Он вспомнил, как лицо Софии озарялось, когда Мэтью смешил её. Как иногда она улыбалась ему так, как ему никогда не нравилось. Он помнил, как ненавидел это тогда, как ненавидел узел в груди каждый раз, когда Мэтью стоял слишком близко к ней. То же самое мерзкое чувство вспыхнуло и сейчас.

Он отвернулся и налил себе ещё выпить.

– Ты ослеп, Мэтью, – выплюнул Дэмиен. – Ты не видишь, кто она на самом деле. Но я вижу. Завтра она умрёт... и я об этом позабочусь.

Впервые спокойствие Мэтью дало трещину, его голос сорвался от разочарования.

– Ты дурак, Дэмиен! Ты настолько ослеплён своей болью – тем, что случилось два года назад, – что даже не видишь, что у тебя перед носом! Что-то не так, и ты это знаешь!

Рука Дэмиена сжала стакан так сильно, что тот, казалось, вот-вот разобьётся. Его волк беспокойно метался внутри, разрываясь на части, но Дэмиен снова его подавил.

Его глаза сузились, горя гневом. – Уходи, Мэтью. Пока я не забыл, что ты мой друг.

Челюсти Мэтью сжались, но он не сдвинулся с места.

– Я не уйду, Дэмиен. Не пока ты не выслушаешь.

– Я сказал, уходи, – прорычал Дэмиен, шагнув ближе. Его зелёные глаза пылали, а кулаки по бокам дрожали.

Мэтью не отступил. – Нет. Ты так ослеплён гневом, что не видишь правды. То видео было слишком идеальным, слишком чистым. Что-то не так, и ты это знаешь!

Прежде чем Дэмиен успел подумать, в нём взорвалась ярость. Он схватил Мэтью за воротник и с силой впечатал его в стену. Полки затряслись, и на полу вдребезги разбился стакан.

– Не смей сомневаться во мне! – прорычал Дэмиен, его лицо было в нескольких сантиметрах от лица Мэтью. – И не смей её защищать!

Мэтью оттолкнул его, и они застыли, обменявшись смертельным взглядом, а их волки рвались наружу. Воздух загустел от силы, стал горячим и тяжёлым, словно сама комната раскололась бы на части, если бы один из них отпустил.

На мгновение показалось, что Дэмиен и вправду нападёт на своего побратима.

И тут...

Глухой удар!

Кто-то забарабанил в дверь. – Сир, Дэмиен! Всё в порядке?

Это был стражник.

Звук разрушил напряжение. Оба мужчины замерли, их дыхание стало резким, а челюсти – напряжёнными. Хватка Дэмиена ослабла, но его взгляд оставался прикованным к Мэтью.

Голос Мэтью понизился почти до шёпота. – Однажды, Дэмиен... ты поймёшь, что ошибался.

Дэмиен отпустил его, толкнув от себя, его грудь тяжело вздымалась.

– Убирайся, – рявкнул он.

Мэтью выпрямился, его челюсти были стиснуты, а взгляд по-прежнему прикован к Дэмиену. Наконец он повернулся и вышел, оставив Дэмиена среди обломков его собственной ярости.

После ухода Мэтью Дэмиен сел в кресло, а по комнате плясали отблески огня. Его грудь резко и неровно вздымалась. Он налил себе ещё, но это не помогало.

Каждый раз, закрывая глаза, он видел не Лолу.

Он видел Софию.

Её мокрые волосы, прилипшие к лицу, её дрожащие губы, её срывающийся голос, когда она умоляла его.

Его челюсти сжались так сильно, что заболели. Он вскочил с места и зашагал по комнате, сжимая кулаки.

– Будь ты проклята, София, – прорычал он, ударив кулаком по стене. Камень треснул от удара, но жжение в груди не утихало.

Он не мог здесь оставаться. Не в этой душной комнате. Не с её голосом, эхом отдававшимся в его голове.

Схватив плащ, Дэмиен ураганом вылетел из своих покоев в ночь. Его сапоги с силой впечатывались в землю, когда он пересёк двор и углубился в лес. Прохладный воздух ударил по коже, но этого было недостаточно. Ему нужно было пространство. Ему нужно было дышать.

Ветки трещали у него под ногами, пока он шёл всё глубже в тёмный лес, бормоча себе под нос проклятия и пытаясь сбежать от мучений внутри.

И тут... он замер.

Впереди, на поляне у дороги, стояла какая-то фигура.

Женщина.

Одетая в чёрный комбинезон, с покрытой головой. Её рост, её телосложение... всё в ней было...

– Лола... – прошептал Дэмиен, и кровь застыла у него в жилах.

8 Неужели это она?

Дэмиен не мог поверить своим глазам. Неужели это действительно Лола? Как такое вообще возможно? Он не стал раздумывать. Ноги сами понесли его, когда он рванул к машине. Но не успел он добежать, как двигатель взревел громче, и машина дёрнулась вперёд, а шины завизжали по грязи. – Стой! – крикнул Дэмиен, заставляя себя бежать быстрее. Его сердце бешено колотилось, пока он сокращал расстояние. Он был всего в нескольких шагах – достаточно близко, чтобы тот, кто сидел внутри, точно его услышал. Но вместо того, чтобы сбавить скорость, машина рванула вперёд.

Дэмиен нахмурился, а в груди у него закружились растерянность и гнев. – Стой! – снова крикнул он, и его голос эхом разнёсся среди деревьев. Но машина лишь ускорила, и её шины завизжали, когда она уносилась прочь. Как бы быстро Дэмиен ни бежал, расстояние только увеличивалось, пока красное свечение задних фонарей не растворилось в темноте.

Наконец он остановился. Тяжело дыша, он согнулся, оперев руки в колени, а его грудь высоко вздымалась. Это и вправду была она? Или это горе заставляло его видеть то, чего нет? Дэмиен зажмурился, его сердце всё ещё бешено колотилось. Впервые он не был уверен, было ли то, что он видел, реальным... или просто жестокой шуткой его разума. Дэмиен провёл рукой по лицу, его дыхание было сбивчивым. Ночной воздух казался тяжёлым, давящим на него, пока его волк беспокойно шевелился внутри. – Это была она, – прорычал у него в голове Лукас. – Я знаю её запах. Это была Лола.

– Нет, – пробормотал Дэмиен, качая головой. Его кулаки сжались по бокам. – Она мертва. Мы все видели её тело.

– И всё же ты побежал, – возразил его волк. – Твоё сердце поняло это раньше, чем твой разум смог принять.

У Дэмиена сжалась грудь. Он повернулся в ту сторону, куда уехала машина, его челюсти стиснулись. Если это была не Лола... то кто? Кто был настолько на неё похож, что его сердце едва не остановилось? Его пробрал озноб. Может, это был просто двойник. И всё же он не мог выбросить из головы этот образ: знакомый изгиб её плеч, то, как её волосы ловили тусклый свет – всё так похоже на Лолу, что на одно биение сердца он поверил, что это она.

Дэмиен выпрямился, всё ещё тяжело дыша. Он повернулся обратно к дому стаи, его разум тонул в горе, ярости и растущем чувстве тревоги, которое никак его не отпускало. Когда он вернулся в дом стаи, вокруг царила тишина. Было всего девять вечера, но казалось, будто уже полночь. Слуги ходили с бледными лицами, у воинов был отсутствующий взгляд, а птицы, обычно кричавшие снаружи, замолкли. Казалось, будто не только люди, но и сама вселенная скорбит о грядущей смерти Софии. С сердцем, тяжёлым как камень, Дэмиен поднялся по лестнице и направился в свою комнату.

Войдя в свою комнату, Дэмиен с грохотом захлопнул за собой дверь. Он подошёл к ящику у своего стола, вытащил маленькую коробочку и откинул крышку. Сигарета. Его пальцы слегка дрожали, когда он зажал её между губами. Он прикурил, пламя затрепетало, и дым за клубился в тускло освещённой комнате. Он сделал глубокую затяжку, задерживая дым в груди, пока жжение не заставило его лёгкие заболеть. Затем он медленно выдохнул, наблюдая, как дым кружится над ним, словно призраки.

И тут же его пронзило воспоминание. Воспоминание о Софии. Её голос, резкий и упрямый, эхом отдавался в его голове. – Курильщики умирают молодыми. Он почти снова видел её – как она несётся к нему, а её маленькая ручка выхватывает сигарету прямо у него изо рта. Он помнил, как она бросала её на землю и давила каблуком, глядя на него снизу вверх так, словно Наследницей Альфы была она, а не он. Он помнил, что находил это милым.

И он помнил уловку, которую использовал против неё. Каждый раз, когда они ссорились, каждый раз, когда она клялась, что больше не будет с ним разговаривать, он просто доставал сигарету. И она ломалась – потому что не могла видеть, как он курит. Она подбегала, отбирала её, и благодаря этому маленькому действию снова начинала с ним говорить. Его грудь сжалась, когда воспоминание растаяло.

Теперь она была девушкой, которую он ненавидел. Девушкой, приговорённой к смерти на завтра. И всё же вот он, стоит в своей комнате, держит сигарету как дурак, преследуемый воспоминаниями о ней. Дэмиен уставился на сигарету между пальцами, а затем с силой затушил её в пепельнице, его челюсти стиснулись. – Жалкий, – пробормотал он себе под нос. Его кулаки обрушились на стол, отчего затрясся стакан, а бутылка виски опрокинулась набок. Жжение в горле теперь было не от дыма – а от ярости.

На самого себя. За то, что помнил её. За то, что позволил её лицу снова проникнуть в свои мысли. За то, что позволил её голосу звучать внутри, когда должен был презирать в ней всё. Он провёл руками по волосам, его зелёные глаза сверкнули в тусклом свете огня. – Она убийца, – прошипел он себе. – Лгуня. Стерва. А завтра... завтра её наконец-то не станет.

Но как бы он ни пытался это скрыть, его грудь всё равно сжимало нечто более тяжёлое, чем ненависть. Он сорвал с себя ботинки резкими, яростными движениями и отшвырнул их в сторону. Следующей полетела рубашка, брошенная через всю комнату. Он ворвался в ванную, захлопнув за собой дверь, и повернул ручку душа до тех пор, пока не хлынула обжигающе горячая вода.

Пар заполнил комнату, но не мог выжечь воспоминания, душившие его. Он прижался лбом к холодной плитке, вода стекала по его лицу, словно могла смыть войну внутри него. Прошло несколько минут, прежде чем он наконец выключил воду. Он быстро вытерся полотенцем, не обращая внимания на то, что с его волос капает на пол.

Когда он рухнул на кровать, и прохладные простыни коснулись его кожи, он не почувствовал облегчения. Лишь тяжесть двух истин давила на него, словно цепи. Завтра его коронуют как Альфу. Завтра Софию обезглавят. Дэмиен уставился в потолок, сжимая кулаки на матрасе, и впервые за сегодня... он не знал, сможет ли он на самом деле сидеть и смотреть, как обезглавят Софию.

Дэмиен закрыл глаза, борясь со сном, не подозревая, что в подземелье внизу... София уже проживала свои последние часы в ужасе.

В подземелье стало холоднее. Воздух казался тяжёлым, а с каменных стен капала вода. София сидела на твёрдом полу, крепко обхватив себя руками. Её глаза опухли от слёз, но сами слёзы иссякли. Затем она услышала это. Шаги. Тяжёлые шаги, эхом разносившиеся по тёмному коридору. Двое.

Железные ворота с громким скрипом отворились. Сердце Софии подпрыгнуло, когда внутрь вошли двое охранников. Их взгляды были жестоки. – Что ж, – сказал один с ухмылкой. – Говорят, ты убийца... но при этом ещё и девственница. Второй рассмеялся. – Всё равно завтра умирать. Какая растрата. Может, доставим тебе немного удовольствия перед концом?

У Софии всё внутри оборвалось. Она вжалась в стену, дрожа. – Нет... пожалуйста, не надо... – её голос сорвался. Один из них схватил её за рукав и дернул. Треск! Ткань порвалась, обнажив её плечо. София ахнула, вцепившись в остатки платья, но они лишь рассмеялись.

– Не сопротивляйся, – сказал другой охранник. – По крайней мере, не умрёшь нетронутой. Мы позаботимся о том, чтобы ты узнала, каково это. Её тело дрожало. – Прекратите! Пожалуйста! – кричала она, но они не останавливались. Их грубые руки дёргали её одежду, пока ткань снова не порвалась. Один из охранников усмехнулся. – Тихо, маленькая убийца. Никто за тобой не придёт. Ты уже покойница. Его рука скользнула ниже...

– Оставьте её в покое!

Крик, подобно грому, взорвался в подземелье, заставив охранников замереть.

9 Ревность

Яростный голос, полный гнева, прогремел, словно гром.

Двое охранников в ужасе застыли. Они узнали этот голос. Медленно обернувшись, они побледили.

В нескольких шагах от них стоял Мэтью, его глаза пылали яростью.

– Сир... – пролепетал один из них, его губы дрожали. Оба охранника выглядели так, будто перед ними предстала сама смерть. Все знали Мэтью, будущего Бету. Все боялись его гнева.

В мгновение ока он двинулся с места. Его руки метнулись вперёд, каждая схватила по охраннику за горло. Он с силой впечатал их в каменную стену, удерживая с пугающей силой.

– И что же, – прорычал Мэтью, его голос походил на рык, – вы тут, по-вашему, собирались делать?

Глаза охранников вылезли из орбит от паники, их тела дрожали, а ноги дёргались, пока они пытались что-то сказать.

– Сир... это... это не то, что... – выдавил один из них.

Он не закончил.

Мэтью отпустил его лишь на мгновение, чтобы тут же врезать кулаком по челюсти. Мужчина со стоном рухнул на пол, изо рта хлынула кровь.

Второй охранник захныкал, в страхе царапая руку Мэтью.

Из угла донёсся вздох Софии. Её рваное платье облепляло дрожащее тело, а широко раскрытые глаза были устремлены на Мэтью.

Он спас её. Человек, от которого она меньше всего ждала помощи, был здесь... и спасал её.

– Вы, ублюдки, пытались её тронуть, – в ярости выплюнул Мэтью и сильно ударил второго охранника по лицу, отправляя его на пол.

– Стража! – рявкнул он, и двое мужчин вбежали внутрь, ошеломлённые открывшейся им сценой.

– Заприте этих двух идиотов в темнице... я сам с ними разберусь.

– Нет... пожалуйста... – взмолились охранники, но прибывшие стражники подняли их на ноги и утащили прочь.

Мэтью глубоко вздохнул, сдерживая эмоции, прежде чем впервые с момента появления в камере повернуться к Софии.

Его сердце разрывалось на части от жалости к ней... Она выглядела напуганной... Её синее платье было разорвано, обнажая плечи... Он смотрел на неё и не понимал, как жизнь могла быть так несправедлива к самой доброй и чистой девушке, которую он когда-либо знал.

У Мэтью заболела грудь. Он вспомнил Софию многолетней давности – счастливую девушку, которая смеялась на тренировочном дворе, ту, что помогала всем, ту, что однажды украла его шляпу и со смехом убежала. А теперь она сидела здесь, сломленная и застывшая.

Ему хотелось подбежать к ней и обнять её. Хотелось сказать, что всё будет хорошо, что всё наладится. Но он не мог лгать. Завтра её казнят. Сказать «всё будет хорошо» означало солгать.

Мэтью медленно опустился на колени, чтобы быть к ней ближе. Он говорил тихо.

– София, – сказал он, – мне жаль. Хотел бы я всё исправить. Хотел бы я это остановить.

Её губы дрогнули. Она не ответила. В её глазах была пустота, словно она уже отчаялась дожидаться утра.

Мэтью сглотнул. Ему хотелось остаться. Хотелось укутать её в свой плащ и никогда не отпускать. Но за ним наблюдали. Он заставил себя встать.

– Прощай, – прошептал он.

Он встал, бросив на Софию последний взгляд. Когда он повернулся, чтобы уйти, в коридоре раздались тяжёлые шаги.

Мэтью застыл.

Кто-то шёл.

Шаги приближались, пока из-за поворота не показалась знакомая фигура – Дэмиен.

Он нахмурился ещё сильнее, взглянув сперва на Мэтью, а затем на Софию. Знакомое чувство ревности обожгло его изнутри. Та самая ревность, что он испытывал много лет назад, всякий раз видя их наедине, только на этот раз всё было гораздо хуже.

Он выдавил из себя усмешку. – Прощаешься со своей любовницей?

Мэтью выпрямился и без страха посмотрел ему в глаза. – Я не её любовник, – раздражённо ответил он. – Я просто проверял, как она.

Челюсти Дэмиена сжались. Его зелёные глаза горели ревностью, которую он не мог скрыть.

– Так ты теперь у нас храбрый герой? – выплюнул он. – Помогает убийце. Пытаешься увести её до того, как она умрёт?

Кулаки Мэтью сжались и разжались. – Она невиновна, Дэмиен, – тихо сказал он. – Тебе стоит присмотреться...

– Пошёл ты, – выплюнул Дэмиен. – Я видел видео. Я знаю, что она сделала. И завтра она за это заплатит.

Мэтью по-прежнему говорил тихо. – Ты зол. Тебе больно. Но ты не можешь позволить этому ослепить тебя.

Лицо Дэмиена ожесточилось. На секунду в его глазах вспыхнуло что-то похожее на боль, но он тут же подавил это чувство. – Я прослежу, чтобы завтра она умерла.

София, дрожа, смотрела на них; её губы посинели от холода и страха. Она не могла поверить своим ушам... что мужчина, в которого она была влюблена все эти годы, так жаждал её смерти. Он желал её смерти больше всего на свете... кто бы мог подумать, что мальчик, обещавший стать её рыцарем в сияющих доспехах, скажет такое?

Мэтью покачал головой. – Дэмиен, ты совершаешь ужасную ошибку. Ошибку, о которой пожалеешь.

Челюсти Дэмиена сжались. На секунду показалось, что он ударит Мэтью, но он лишь усмехнулся. – Она тебе всегда нравилась, – сказал он. – Может, поэтому ты и врешь ради неё.

Лицо Мэтью побагровело от гнева, но он сохранял контроль над голосом. – Не могу поверить, что это ты, – разочарованно произнёс он.

Дэмиен больше ничего не сказал; он лишь бросил яростный взгляд на Софию, безэмоционально сидевшую на полу, а затем развернулся и ушёл.

Когда он ушёл, Мэтью посмотрел на Софию, чей взгляд был прикован к полу. Его сердце разрывалось, и, не в силах больше этого выносить, он отвернулся и ушёл, оставив её одну в холодной камере.

Войдя в свою комнату, Дэмиен отшвырнул ногой табурет... он был... в ярости, но больше всего он ненавидел то, что ревновал. Ранее ему было трудно уснуть, а как только он задремал, ему приснился кошмар о Софии, и в панике он пошёл проведать её, но обнаружил, что Мэтью уже там. Словно тот всегда был на шаг впереди, когда дело касалось Софии. Как и всегда.

Челюсти Дэмиена сжались, когда нахлынули старые воспоминания.

Он вспомнил тренировочный двор много лет назад. София споткнулась, и прежде чем Дэмиен успел к ней подбежать, Мэтью уже был рядом, протягивая ей руку и заставляя её смеяться.

Он вспомнил ночь зимнего пира. София замёрзла и дрожала на улице, и пока Дэмиен всё ещё искал свой плащ, Мэтью уже накинул свой ей на плечи. Она тогда одарила его яркой улыбкой – улыбкой, которая преследовала Дэмиена до сих пор.

А потом была весенняя охота. Дэмиен планировал покататься с Софией верхом, но Мэтью его опередил. Он провёл с ней весь день, смеясь, поддразнивая, показывая, как целиться из лука. Дэмиен пришёл слишком поздно и застал её сияющей от радости, с покрасневшими щеками, когда она рассказывала, какой хороший учитель Мэтью.

Каждое воспоминание было шипом в груди Дэмиена.

А сегодня... сегодня было ещё хуже. Он пошёл в темницу, потому что не мог уснуть, потому что её лицо не выходило у него из головы. И застал там Мэтью, уже стоявшего там, словно какой-то благородный герой.

Волк Дэмиена зарычал внутри, беспокойный и злой. «Признай, Дэмиен... у тебя всё ещё есть к ней чувства».

– Нет, – прорычал себе под нос Дэмиен, ускоряя шаг. Его зелёные глаза пылали яростью. – Я её ненавижу. Завтра... она умрёт, и никто – даже Мэтью – её не спасёт.

10 День

“Убейте её... убейте её!”

Крик со двора вырвал Софию из сна. Она не спала всю ночь, потому что перед глазами то и дело всплывала её собственная смерть, и как раз в тот момент, когда изнеможение почти одолело её, яростные вопли стаи вернули её к реальности. Сквозь бледный свет, пробивавшийся через зарешеченное окно, она поняла, что наступил рассвет. Утро. День её казни.

От громкого скрежета металла она вздрогнула. Дверь камеры с гулким стоном распахнулась. Двое стражников вошли внутрь и грубо дёрнули её на ноги.

“Поднимайся”, – рявкнул один из них.

Её колени дрожали, тело ослабло, но им было всё равно. Они выволокли её из камеры и потащили по холодному узкому коридору. Чем ближе они подходили ко двору, тем громче становились голоса.

Когда они вышли наружу, от открывшегося зрелища у неё сжалась грудь. Сотни волков собрались на площади, их взгляды, полные ярости и отвращения, были прикованы к ней. Рёв толпы сотрясал воздух, пока они скандировали: “Убейте её! Убейте её!”

И тогда она увидела это.

В центре двора стоял высокий деревянный помост. На нём лежала тяжёлая плаха, а рядом с ней – палач: его массивная фигура была закутана в чёрное, а в руках поблёскивал топор.

У Софии перехватило дыхание.

Вот и всё.

Вот и всё. Конец всему, о чём она когда-либо мечтала.

Пока стражники тащили её вперёд, её мысли унеслись вдаль. Она думала о маленькой девочке, которой когда-то была – девочке, что мечтала быть любимой, однажды найти свою пару и быть окружённой заботой, как в книжных историях. Раньше она по ночам пробиралась в лес, запрокидывала голову к звёздам и шептала Богине Луны, спрашивая, увидит ли кто-нибудь в ней когда-нибудь ту самую, единственную.

Она думала о Дэмиене. О мальчике, которого когда-то считала ответом на свои молитвы. Она мечтала стоять рядом с ним, когда он станет Альфой, быть его Луной, а не такой... не девушкой, которую ненавидят и приговорили к смерти во время его правления.

Её грудь болела. Она мечтала о семье, о собственных щенках и о смехе в доме, где ей было бы место. Но теперь единственным звуком, что ждал её, был рёв толпы, жаждущей её крови.

Её мечты были просты. Быть любимой. Быть замеченной. Жить.

И теперь каждая из них будет похоронена здесь, на этом помосте, под взмахом топора.

Её ноги слабо дрогнули, но стражники снова дёрнули её вперёд. Ей хотелось плакать... умолять... сказать им, что она невиновна, но она поняла, что потеряла голос, а слёзы, казалось, иссякли, потому что не упало ни единой слезинки.

Пока её тащили вперёд, она заставила себя поднять глаза. В первом ряду лицо Леди Кары было искажено горем и ненавистью. Губы её матери шевелились. Она кричала, громче всех остальных: “Убейте её! Убейте её немедленно!”

У Софии всё внутри похолодело. Она смотрела на эту женщину и не знала, что чувствовать. Неужели это действительно её мать? Женщина, которая одевала её в детстве, которая когда-то лелеяла её? Теперь эта женщина желала ей смерти. У Софии всё оборвалось внутри. Она не могла понять, как одна и та же женщина может любить одну дочь и желать смерти другой.

Её взгляд скользнул к отцу. Бета Стивен сидел очень тихо. Его лицо было пустым, как маска. Он не кричал. Не плакал. Он просто смотрел. София увидела что-то в его глазах – что-

то похожее на сожаление, словно он не знал, что делать. На мгновение она подумала, что он может встать, заговорить, остановить это. Но он этого не сделал.

Сердце Софии колотилось. Во рту пересохло. Ей хотелось крикнуть ему: «Отец, не позволяй им этого сделать». Но ни звука не вырвалось.

На краю толпы возвышался Дэмиен. Он смотрел на неё, словно статуя. Его лицо было суровым. В его зелёных глазах не было никаких эмоций. София посмотрела на него и почувствовала, как нахлынули старые воспоминания – смех, тренировки, тихие мгновения.

Палач шагнул вперёд. Он поднял топор и вознёс его так, чтобы все могли видеть, как лезвие сверкает в утреннем свете.

София сглотнула. Всё её тело дрожало. Она думала обо всём, чего хотела в жизни – о простых вещах – и о том, что теперь этому никогда не бывать.

Ноги Софии волочились по деревянным ступеням, пока стражники затаскивали её на помост. Скандирование толпы отдавалось в её ушах, словно барабаны смерти.

Глаза Дэмиена следили за каждым её шагом. Его челюсти сжались, кулаки стиснулись. Это должно было быть правосудием, но почему казалось, будто его грудь разрывают на части?

Это правосудие, сказал он себе. Она убила Лолу. Она это заслужила.

Но тут Лукас, его волк, взвыл внутри него.

“Вспомни!” – прорычал волк. – “Вспомни лицо, которое ты видел прошлой ночью в лесу. Ту, что была похожа на Лолу. Неужели ты настолько слеп, что позволишь этому случиться? Глупец! Думай!”

Голова Дэмиена на мгновение дёрнулась в сторону. Его разум прокрутил воспоминание – тёмные волосы, знакомая фигура, то, как его сердце остановилось, когда он подумал, что видит Лолу, садящуюся в ту машину.

“Нет...” – прошептал он себе под нос, качая головой. На мгновение зрение затуманилось, а когда он моргнул, то уже не мог ничего ясно разглядеть. Её лицо исчезло. Он больше не понимал, что реально, а что нет.

На помосте один из стражников достал чёрную ткань и туго завязал её на лице Софии, закрывая ей глаза. Тьма поглотила её мир.

Вперёд вышел судья, его низкий голос прогремел над двором.

“София Стивен. Вы признаны виновной в преступлении – убийстве вашей сестры, Лолы Стивен, которую вы столкнули насмерть. По решению этого совета и по закону Стаи Полной Луны вы приговорены к смерти”.

Колени Софии подкосились, как только её силой поставили на них. Её тело обмякло, как у тряпичной куклы, и дрожало так сильно, что стражникам пришлось силой прижать её к месту. Холодный камень впился в кожу, щека царапалась о грубую поверхность плахи.

Палач подошёл ближе, его топор сверкнул, когда он высоко его занёс.

Лёгкие Софии горели, когда она сделала один глубокий вдох. Перед смертью она пыталась вспомнить что-то хорошее, хоть что-нибудь. Но каждое хорошее воспоминание – каждый смех, каждый тёплый миг – было связано с Дэмиеном.

С мальчиком, который когда-то обещал её защищать.

С мальчиком, которого она любила всю свою жизнь.

“Приступайте”, – приказал судья.

Топор в руках палача качнулся. Толпа взревела ещё громче.

И тут...

“СТОЙТЕ!”

11 Предложение

Все головы повернулись на голос.

София замерла.

Её сердце пропустило удар.

Этот голос.

Хотя чёрная ткань и закрывала ей глаза, она его узнала.

Это был голос Дэмиена.

У неё перехватило дыхание, а в голове всё закружилось. Почему? Зачем ему останавливать казнь именно сейчас?

Воздух был тяжёлым от всеобщего недоумения. По толпе пронёсся ропот. Палач медлил, его топор застыл в воздухе.

Дэмиен протолкнулся сквозь членов стаи. В его зелёных глазах горело нечто, чему никто не мог дать названия – конфликт, боль, неверие. Он не останавливался, пока не оказался перед эшафотом.

– Опusti оружие, – приказал он.

Палач застыл в нерешительности, пока не раздался низкий голос Альфы Моррисона.

– Дэмиен, – медленно произнёс Альфа, поднимаясь со своего места. – Что всё это значит?

Грудь Дэмиена тяжело вздымалась. Его челюсти ходили ходуном, словно он боролся сам с собой.

– Мне нужно поговорить с ней, – сказал он напряжённым голосом. – Наедине.

Альфа Моррисон нахмурился. – Дэмиен, она – убийца.

– Я знаю, в чём её обвиняют, – резко перебил Дэмиен, его тон был уважительным, но твёрдым. – Но прежде чем вы позволите ей умереть, я хочу поговорить с ней наедине. Всего минуту.

Стая взорвалась шёпотом. Альфа взглянул на сына, в его глазах промелькнуло недоумение. Дэмиен никогда прежде не оспаривал приговор – ни разу.

После долгого молчания Моррисон коротко кивнул. – Что ж, хорошо. Но не задерживайся.

Стражники снова рывком подняли Софию на ноги и стащили её с помоста. Шёпот в толпе стал громче, гудя от любопытства и недоумения.

Дэмиен, не говоря ни слова, развернулся и пошёл к саду за внутренним двором. Стражники последовали за ним, таща Софию за собой.

На тропе было тихо, слышались лишь шаги и звон цепей. Сад был пуст, а утренний воздух пропитан напряжением.

Когда они дошли до края, Дэмиен остановился. Он повернулся к стражникам.

– Оставьте нас, – сказал он.

Они замешкались, обмениваясь неуверенными взглядами.

– Это приказ, – рявкнул Дэмиен, его голос был тихим, но властным.

Стражники склонили головы и отступили, оставив их вдвоём среди высоких живых изгородей и цветущих растений.

София стояла неподвижно, её дыхание было сбивчивым, а руки в цепях дрожали. Она слышала, как он ходит взад-вперёд. Она чувствовала на себе его взгляд, хоть и не могла видеть сквозь повязку.

– Дэмиен? – тихо прошептала она срывающимся голосом. – Почему... почему ты это остановил?

Сначала он не ответил. Его кулаки сжались, а Лукас внутри него беспокойно заворочался. «Потому что что-то здесь не так», – прошептал его волк в голове.

«Потому что её запах не пахнет виной».

Челюсти Дэмиена сжались. Он не хотел этого признавать.

Он сделал медленный шаг к ней, не сводя глаз с её фигуры с завязанными глазами.

Чёрная ткань закрывала ей глаза, но он всё равно видел всё остальное – её дрожащие губы, бледное лицо и красные следы на запястьях. У него сжалось в груди.

Он вспомнил, как во время тренировок огрызался на неё, если она хотя бы сбивала костяшки пальцев. «Не ранься, София. Ни единой царапины», – говаривал он ей. Она лишь смеялась, закатывая глаза, но он всегда следил, чтобы под рукой была мазь. Тогда он не мог вынести и одного синяка на её безупречной коже.

А теперь она вся была в них.

У него перехватило горло. Он больше не знал, что реально, а что нет, но одно он знал точно: он не мог этого допустить. Он не мог стоять и смотреть, как её убивают. Даже если она виновна, он не мог смотреть, как она умирает.

Лукас низко зарычал внутри него. «Тогда сделай что-нибудь. Сейчас же».

Руки Дэмиена сжались в кулаки. Он ненавидел себя даже за одну мысль об этом, но слова сорвались с его губ прежде, чем он успел их остановить.

– У меня есть для тебя предложение, – тихо сказал он грубым голосом.

София вздрогнула. Её дыхание стало резким, прерывистым. – Пре... предложение? – прошептала она, не уверенная, что правильно его расслышала.

Дэмиен подошёл ближе, и его тень накрыла её. – Да. Предложение.

Её губы под повязкой дрожали. – Что ты имеешь в виду?

Он тяжело сглотнул, ненавидя вкус этих слов, даже произнося их. – Согласись принадлежать мне, – медленно сказал он. – Будь моей. Полностью. Делай, что я скажу и когда я скажу. Без вопросов. Без отказов.

У Софии перехватило дыхание. – Я... я не понимаю...

Его зелёные глаза горели, но голос оставался тихим и ровным. – Будь моей секс-рабыней, – произнёс он, и слова эти были словно яд у него на языке. – И сегодня я тебя спасу.

На мгновение они оба замерли. В саду была тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием Софии и стуком сердца Дэмиена.

Голова Софии под повязкой слегка дёрнулась назад, словно она не расслышала. – Что? – выдохнула она дрожащим голосом. – Что ты только что сказал?

Челюсти Дэмиена напряглись. Он ненавидел себя за то, что повторяет это, но всё равно повторил.

– Ты слышала. У тебя одна минута, – сказал он резким, властным голосом. – Стань моей секс-рабыней или возвращайся туда и умри. Это всё время, что у тебя есть.

Губы Софии дрожали. – С... секс-рабыня? – прошептала она, и слова эти были словно пепел на её языке.

– Да, – голос Дэмиена был бесстрастным, но, говоря это, он сжимал кулаки. – Именно это и значит. Ты будешь жить, но жить как моя секс-рабыня. Ты делаешь, что я говорю. Всегда. У тебя нет выбора.

Из её горла вырвался сдавленный звук. Колени подкосились, и на мгновение ей показалось, что она сейчас рухнет. Слезы, которые, как ей казалось, уже высохли, защипали уголки глаз.

Секс-рабыня.

Эти слова эхом отдавались в её голове, как иной смертный приговор.

Она годами мечтала о своём первом разе. Не о сказке, но хотя бы о чём-то нежном, о моменте, когда её будут любить и лелеять. Не об этом. Не с мужчиной, который считает её убийцей, не с мужчиной, который делает ей одолжение в обмен на её тело.

Её желудок скрутило. Она представила, что это будет означать – никакого достоинства, никакой безопасности, никакого выбора. Её будут трахать где угодно и когда угодно. Её отдадут кому-то другому, если ему так захочется. Игрушка. Вещь.

Смерть казалась лучшим выходом.

Но сердце болезненно заколотилось в груди. «Если я умру, правда умрёт со мной, – подумала она. – Никто никогда не узнает. Никто больше не усомнится в моей вине. Будет так, словно меня никогда и не существовало, кроме как убийцы».

Дэмиен подошёл ещё ближе, его присутствие, казалось, поглотило её целиком. – Время вышло, – тихо сказал он, но в его тоне чувствовалась власть. – Решай. Стань моей секс-рабыней или возвращайся туда и встреть свою смерть от топора.

София дышала короткими, прерывистыми вздохами. Её руки дрожали в цепях. Она почти чувствовала на себе взгляды толпы, задранный топор и холодную плаху под щекой. Она чувствовала, как ускользают её мечты.

Её губы дрожали. – Я... – прошептала она, её голос был таким тихим, что его почти не было слышно.

Зелёные глаза Дэмиена впились в неё.

– Я... я согласна, – наконец прошептала она, и слова сломались, срываясь с её губ.

Её плечи затряслись. Горячие слёзы потекли из-под повязки, но теперь она не могла их остановить.

Дэмиен на секунду закрыл глаза. Лукас внутри него низко зарычал, но Дэмиен проигнорировал его.

– Скажи это снова, – потребовал он.

София тяжело сглотнула и, судорожно вздохнув, почувствовала, как по её щекам текут слёзы.

– Я согласна быть твоей секс-рабыней, – прошептала она.

12 Запрос

Дэмиен не мог поверить своим ушам. На мгновение он подумал, что она отвергнет его предложение. Та София, которую он знал, никогда бы на такое не согласилась. Она всегда верила в любовь, в чистоту и в первый раз, который что-то значит.

В его памяти всё ещё эхом отдавался её голос из прошлого. «Я отдамся лишь тому, кто полюбит меня по-настоящему», – сказала она тогда, и её глаза сияли детской уверенностью. А он, глупец, тогда улыбнулся и даже восхитился её верой в нечто столь чистое. Но теперь он сам же это и сокрушил. И всё же, несмотря на тяжесть содеянного, его держала на плаву одна-единственная истина: она жива. Это было всё, что имело значение.

Он резко обернулся и крикнул, его голос снова стал холодным и властным:

– Стража!

Двое солдат вбежали обратно в сад, их взгляды нервно метались между ним и дрожащей девушкой. «Ведите её за мной», – приказал Дэмиен, поворачиваясь, чтобы уйти. Стражники склонили головы и, взяв Софию под руки, повели её из сада. Повязка всё ещё была на её глазах; шаги её были нетвёрдыми. Когда её потянули вперёд, тихо звякнули цепи.

Когда они снова вышли во внутренний двор, на толпу опустилась тишина. Сотни глаз следили за ними. Прокатился шёпот, в воздухе повисло замешательство. Дэмиен не обращал на них внимания. Он шёл прямо к центру, его сапоги стучали по камню. Его взгляд был прикован к отцу, Альфе Моррисону, стоявшему в первых рядах.

Остановившись, он слегка поклонился. «Отец, – громко произнёс он, и его голос разнёсся по двору. – Сегодня день моей коронации. День, когда я займу место Альфы».

Глаза Моррисона сузились. «Да, – медленно произнёс он, уже чувствуя, к чему всё идёт. – И, как гласит традиция, новый Альфа может загадать одно желание – приказ, который не может быть оспорен». Дэмиен раз кивнул. Его челюсть сжалась, когда он повернулся к дрожащей, с завязанными глазами Софии рядом с собой.

«Тогда я загадаю своё сейчас», – произнёс он, и его голос громким эхом разнёсся по двору, чтобы все слышали. «Я желаю, чтобы жизнь Софии была сохранена. С этого момента она принадлежит мне. Я объявляю её своей рабыней. Её жизнь – и её наказание – будут в моих руках».

По воздуху пронеслись вздохи изумления. Двор взорвался шёпотом, где-то гневным, где-то потрясённым. Члены стаи недоверчиво переглядывались.

Леди Кара, мать Лолы, выступила вперёд, её лицо побледнело от гнева. «Дэмиен, что ты такое говоришь? – закричала она. – Ты спасаешь эту убийцу? Девушку, которая убила нашу Лолу? Твою Лолу?»

Дэмиен медленно повернулся к ней, выражение его лица было спокойным, но холодным. «Да, – просто ответил он. – Спасаю».

Её глаза расширились от недоверия. «Ты...»

«Есть много способов наказать её, – прервал Дэмиен. – Смерть была бы слишком лёгким исходом. Я заставляю её жить с тем, что она натворила».

Ропот снова усилился. Кто-то ругался, кто-то шептался, а другие молча смотрели.

Альфа Моррисон медленно выдохнул.

Он не сводил глаз с сына.

На его лице появилась лёгкая улыбка.

Он не был удивлён.

Нисколько.

Он знал, что так и будет.

Он хорошо знал своего сына. Всегда знал. Дэмиен был сильным. Упрямым. Он следовал правилам. Но когда дело касалось Софии, всё было иначе.

Дэмиен никогда бы не стал стоять и смотреть, как она умирает.

Не она.

Только не она.

Альфа Моррисон видел это много лет назад. Он видел, как Дэмиен смотрел на неё. Его взгляд смягчался, когда она была рядом. Его голос менялся, когда он говорил с ней. Он наблюдал за ней, когда думал, что никто не смотрит.

Отец замечает такие вещи.

Альфа Моррисон часто задавался вопросом, что же пошло не так. Что между ними произошло? Какие слова были сказаны? Какая ошибка разрушила то, что у них когда-то было?

Но даже сейчас, после всего, одно было ясно.

Неважно, в чём обвиняли Софию.

Неважно, во что верила стая.

Неважно, насколько серьёзным было преступление.

Дэмиен всё равно не мог её отпустить.

Голос Леди Кары, дрожащий от ярости и горя, прорвался сквозь хаос. «Ты сошёл с ума, Дэмиен! – вскрикнула она. – Эта девчонка не заслуживает дышать с нами одним воздухом! Она убила мою дочь... твою невесту». Её слова эхом разнеслись по двору, но Дэмиен даже не вздрогнул. Его челюсть сжалась, а взгляд стал холодным как сталь. «Я знаю, что она сделала, – сказал он, его голос был тихим, но достаточно сильным, чтобы все услышали. – И именно поэтому я оставляю её в живых».

Последовали вздохи. Некоторые старейшины переглянулись, потрясённые его тоном, но Дэмиен продолжил. «Смерть, – сказал он, поворачиваясь к толпе, – это милосердие. Я хочу, чтобы она жила со своей виной. Я хочу, чтобы она каждый божий день помнила, что она у нас отняла. Это и будет её наказанием».

Леди Кара недоверчиво покачала головой. «Никакое наказание не будет достаточным! Ты защищаешь её – неужели ты не видишь?»

Взгляд Дэмиена стал жёстче. «Я принял решение».

За его спиной молча и дрожа стояла София. Шёпот стаи сливался в её ушах в неразборчивый гул. Каждое слово – убийца, рабыня, позор – глубоко ранило её в самое сердце. Но она не плакала. Не могла. Её тело слишком онемело, чтобы сейчас что-то чувствовать.

Наконец вперёд выступил Альфа Моррисон, его зычный голос потребовал тишины. «Довольно». Двор мгновенно затих. Альфа обвёл взглядом стаю, а затем остановился на сыне. «Если таково твоё желание, Дэмиен, – медленно произнёс он, – то да будет так. Стая его исполнит». Он мельком взглянул на Софию. «Теперь её жизнь принадлежит тебе».

Дэмиен один раз кивнул. «Благодарю, отец».

Леди Кара издала сдавленный звук, не то крик, не то рыдание. «Ты совершаешь ошибку! – прокричала она. – Эта девчонка и тебя погубит, так же, как погубила Лолу!» Но Дэмиен не ответил. «Уведите её, – приказал он. – Заприте её в камере. Проследите, чтобы никто её не трогал. И чтобы никто с ней не говорил». Стражники быстро кивнули и снова схватили Софию под руки. Толпа расступилась, когда её потащили прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.